

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ РОДИОНОВ

АЛТАЙ – БЕЛОВОДЬЕ МОЕ

Вряд ли кто знает достоверно, когда предгорная степь и горные отроги Алтая впервые услышали русскую речь. Широко бытует мнение, что явление русской культуры в междуречье Иртыша и Оби и на притоках этих рек связано с приходом в наши края демидовских рудоискателей. Однако же, появившись в горах Колыванского хребта, уральские рудопрорищники к удивлению своему обнаружили по Чарышу и Алею потаенные поселения, о которых даже в столице Сибири – в Тобольске – чиновный люд и слухом не слыхивал. Значит, выход русского человека на алтайский простор – явление додемидовское, и относится оно, вероятнее всего, к порубежью XVII – XVIII веков.

Что же касается русского слова, русской песни, то вспомним поговорку: поется там, где воля и доля. Воля, полученная на Алтае демидовскими промышленниками, приобрела очертания своеобразные. Русский человек принес в Южную Сибирь европейскую промышленную культуру, на свой лад вспахал и засеял плодородные черноземы. Это было иное, не кочевническое, осмысление земной щедрости. Вместе с просторами, обретенными русской волей, первопроходцы приняли и ввели в свой речевой обиход названья рек и гор: и слово «Алтай» имеет тюркское происхождение, и реку Обь – Обью назвали еще предшественники тюрков, самодийцы. Но русский человек на новых местах вел себя не как завоеватель, а как мудрый садовник. Представьте себе мощное разветвленное древо Оби. Вчитайтесь в наименование ветвей с русскими названьями. Это русский садовник привил к древнему стволу свои имена: Березовка, Касмала, Лосиха, Поперечная, Локтевка, Белая. И на этих ветвях видны свои плоды – заводские и рудничные поселки: Колывань, Локоть, Змеиногорск, Черепановский, Зыряновск, Усть-Каменогорск.

Плодотворный XVIII век освоил на Алтае огромную территорию – в 400 тысяч десятин. В Алтайский горный округ входили: Алтайский

край и Республика Алтай, Восточно-Казахстанская область, Кемеровская и Новосибирская области, часть Семипалатинской. Горняки и земледельцы принесли на эту землю свой скарб и инструмент, научились здесь создавать новые небывалые машины и заводские устройства. Но было в запасе у русского человека на Алтае и то, что не привезешь ни в телеге, ни в лодке и в котомочку дорожную не уложишь. Это национальная память. Выходец из старорусских земель принес на Алтай наше национальное предание.

Среди множества легенд, славянских мифологических сюжетов и сказок наиболее живучей и популярной на алтайской земле оказалась легенда о Беловодье – будоражащая воображение и дающая полет мечте – есть где-то земля, в которой люди живут вольно, честно и справедливо.

А теперь самое время вернуться к поговорке, в которой упоминается не только «воля», но и «доля». Доля у алтайского горняка оказалась незавидной. Труд рудокопа и плавильщика на заводе никогда не был легким. А земледельцу приходилось жить «на две заботы сразу»: и хлеб выращивать, и урок заводской отработать – возить уголь, руду да еще и почтово-ямщицкую повинность нести. Так что мечта о воле, как о свободной жизни, тут не могла не явиться, а запасливая память подсказывала – есть же где-то страна Беловодье! Вот как о нем говорит один из героев одноименной повести Александра Новоселова, умирающий старик Панкрат наставляет сына:

«Беловодье, оно ото всех стран отличительно... Найдешь небось... Вдоволь там воды, вдоволь черной земли, и леса, и зверя, и птицы, и злаков всяких и овощу... Трудись только во славу божью, как пра-родитель наш Адам трудился. Не смотри, что хорошо сама земля родит. Потом поливает ее... Угодья разные там высмотри, да не забудь и душу – не должно быть там и власти, от людей поставленной. Тем и свято оно, Беловодье. Ни паспорта тебе там, ни печати антихристовой – ничего... Правой вере простор... Живи как хочешь...»

Легенда беловодская для официальной власти стала известной достаточно поздно. И, парадокс, первыми, кто ее записал, оказались чиновники в полицейских мундирах. В Центральной России то и дело стали возникать «дела о беглых», ищущих дорогу в Беловодье. И у многих крестьян из центральных губерний обнаруживался так называемый «Путешественник». Это был своеобразный путеуказатель – как верно пройти из Москвы до вожделенного Беловодья. В полицейских протоколах такой документ впервые отразился в 1807 г. Но легенда передавалась из уст в уста уже почти полвека, причем она имела широкое хождение и в Центральной России, и на ее Севере – в Олонецкой губернии. Искатели Беловодья, отправляясь

на поиск неведомой страны, следуя указаниям «Путешественника», непременно попадали на Алтай. Достигая Барнаула или Бийска, они выходили в долину Бухтармы, далее следовали в «странноприимную» Уймонскую долину. Это была точка азиатского транзита, где путники перед выходом в Китай, Афганистан и Индию останавливались на отдых, не воспринимая однако же все прелести Уймонской долины как обетованное Беловодье. Об этом и в песне уймонской поется:

Уж вы, горы, гороньки алтайские,
Приютите вы нас, добрых молодцев,
Добрых молодцев, разбойничков.
Мы пришли к вам, гороньки, не век вековать,
Не век вековать, одну ночь ночевать.

Насколько притягательна была мысль о существовании заветного Беловодья, говорит такой факт. Уверившись, что в южно-алтайских долинах его нет, уральские казаки уже в конце XIX в. снарядили свою экспедицию на... Цейлон. Обогнув Азию морским путем, они вернулись ни с чем через Владивосток.

Здесь и нужно сказать о том, что привлекательность, и даже прелесть, этой легенды – велик соблазн поиска! – кроется не в географической точности места, а в силе поэтического образа. Беловодье – символ вольной земли, Беловодье – мечта. Само слово «белый» душа русского человека воспринимала не как обозначенные цвета, но как признак чистоты, незамутненности жизни. «Белый» – здесь истолковывается как «свободный, никем не занятый». Вольный! А русская воля – это не только стремление к освоению пространства, это – характер, вросший в пространство, пустивший корни в почву и породивший свои ветки. Тут есть переключка с тем, что русские люди принесли на Алтай и утвердили по Верхнеобью и по Иртышу свои имена и названия. Вспомним, сколько на Алтае речек Белых, сел с таким же именем. Да и Белуха, наконец, надо всем высится...

Не зря речено древними: «Хочешь понять народ – слушай его песни». В характере русском, закаленном сибирскими особенностями, заключены все крайности человеческой природы: от героической жесткости в поведении былинных персонажей до голубиной нежности в девических песнях. Песня ведь – не обязательно веселье. В песне и грусть, и мечтанье, в ней мысль украшена чувством всенародно запоминающимся, и даже в незатейливых словах сокрыта своя простая мудрость:

Полно, полно вам, ребята,
Чужо пиво пить.
Не пора ли вам, ребята,
Свое наварить.

Не все переселенцы, пришедшие на Алтай по своей воле или вынужденно, были одержимы поиском Беловодья, но и те и другие имели в душе рядом с православной молитвой и русскую песню, и русскую сказку. Язык позволял расцвечивать представление о мире, сотворять свой художественный мир, измеряя его широтой своей души. В тесную душу не вместить память многовековую – от первых русских князей и их супостатов до покорителя Сибири Ермака Тимофеевича и великого воина Александра Суворова. И не только исторические события отражены в зеркале народной памяти. Свое – ближнее и родное, казалось бы, обыденное – облекалось в веселящую, а порой и печальную мудрость сказки. Здесь нелишне будет напомнить, что немецкое слово «фольклор» на русский язык переводится как народная мудрость. Думается, что, выстраивая вслед за былинными и историческими героями рать героев сказочных, можно прибегнуть к такому сравнению. Как хребты высокие горные кончаются и обрываются не вдруг, а переходят в горки и отроги, а далее и под равнину ныряют, так и русский героический эпос, будто становой хребет национальной памяти, перекрывается слоем бытового, тяготеющего к обыденности, предания. Сама природа сказки почти всегда имеет в своей основе реальность некоего начала. Ведь никто не возражает против реальности всем известного зачина: «Жили-были...» и т. д. А уж там, в художественной дали, обростает сказочный сюжет плотью самого фантастического свойства. И здесь сказитель волен заставить зайца жить на дереве и лягушку с мурашками беседовать.

Есть еще одна особенность фольклорного наследия, собранного и собираемого на Алтае. Все оно формировалось и жило в православном сознании. Казалось бы, оно давно выветрилось и переродилось, но поразительное дело – фольклористы из Забайкалья (помнят еще в Сибири, что Алтай – золотая кладовая русского предания!) во второй половине XX века едут в Змеиногорск и Уймон и записывают духовные стихи!

Однако же нельзя не замечать, что сквозь покров богобоязненности и христопокорности просвечивает в былинах, песнях и заговорах языческая, языковая основа народного творчества, где наряду с добрым молодцем и красной девицей есть главные героини: Мать-сыра земля, Красно-солнышко и Ясен месяц, бел-горюч камень и окиян-море... И все это сберег язык – главное наше национальное предание. Это он сохранил нам дух двоеверия, в котором рождались и былина, и свадебный причет, и стих духовный, и полуфантастический сказ, и золотое зерно поговорки.

Всем известно, что каждый свое хвалит. Но книга фольклорно-

го наследия русского Алтая – это не похвальба, а гордость и вот почему.

Нигде в Сибири в прошлом не были записаны русские героические былины. Это сделал на Алтае в середине XIX в. замечательный фольклорист Степан Иванович Гуляев. Не будь С. И. Гуляева, уловившего народную песню, в нашей истории, сочиненной немцем Фишером, Ермак так бы и остался не народным героем, а разбойником.

В Сибири было множество рудников и приисков, но только на Алтае еще до Великой Отечественной войны стараниями Александра Мисюрева записаны горно-заводские предания, в которых наряду с отголосками мечты о Беловодье отразилась живая и порой жестокая действительность.

Поразительно, но русская легенда о Беловодье, звучавшая на Алтае на протяжении девятнадцатого столетия, вдруг появилась в Америке. Последователи учения Рериха опубликовали свой вариант русской легенды, назвав ее «Сокровенное сказание о Беловодье» (газета «Новая Заря». Калифорния, Сан-Франциско, 24 апреля 1949 г.).

Но не только этим знанием богат Алтай. Народные песни, сказки и заговоры, обобщенные филологом Людмилой Ивановной Журовой, записаны во время фольклорных практик студентами АГУ и Барнаульского пединститута. Сделано это всего четверть века назад, что лишний раз подтверждает долгую жизнь народного слова.

Дорогой читатель! Мне не хочется представлять тебя неким несмысленным, которому готовятся вручить своеобразное наставление. Давай вместе еще раз задумаемся о богатстве смысла слова «Беловодье». Оно у каждого свое. А у подростка – особенно! В твоём личном Беловодье, как в чистом пространстве, в душе и в памяти еще не укоренились главные ощущения единственности своей Родины. Но душа твоя чиста и просторна для того, чтобы в ней рядом с модными виртуальными героями из компьютера уместились родные сокровища. Не плоды электронной фантазии, ограниченной емкостью прибора, а результат живого, самого неожиданного и по возможностям своим бескрайнего художественного воображения наших предков. Ведь над словом, над сказкой не властен ни один властитель. Народная речь правит и сюжетом, и словарем, превращая царя в дурака, а дурака в мудреца. Замечательно сказал о народном герое поэт Владимир Башунов:

А он простак в начале сказки.

Прочтите сказку до конца.